

Аманде и Мэй
Зейд и я всегда будем с вами

ПЛЕЙЛИСТ

Hish — Evil

So Below — Sway

Boy Epic — Dirty Mind

Croosh — Lost

Vi — Victim

The Weeknd — Pretty

The Weeknd — Loft Music

Something Better — The Broken View

Play with Fire — Sam Tinnesz
(*feat. Yacht Money*)

ВАЖНО:

Книга прерывается на неожиданном месте. Ее содержание носит очень мрачный характер и включает пугающие моменты, такие как насилие и совершение сексуальных и/или эротических действий между главными героями без наличия явного согласия, графическое насилие, торговля людьми, преследование, торговля детьми и откровенные сексуальные сцены. Кроме того, в романе присутствуют такие специфические кинки¹, как игра с оружием, сомнофилия, связывание и унижение.

Ранее книга была изъята из публичного доступа, однако все предупреждения вы можете обнаружить в отзывах к ней, на моем сайте или же не стесняйтесь написать мне напрямую.

Ваше психическое здоровье важно.

¹ Использование нетрадиционных сексуальных практик, концепций или фантазий. Некий возбуждающий элемент для конкретного человека.

*Неужто кот завладел
твоим язычком, мышонок?*

ПРОЛОГ

Окна моего дома содрогаются от раскатов грома в небе. Вдалеке, освещая ночь, сверкают молнии. В течение мгновений, которые длится эта ослепительная вспышка света, я вижу человека, что стоит за моим окном. Он смотрит на меня. Он всегда смотрит прямо на меня.

Я двигаюсь как обычно, словно ничего не происходит. Мое сердце пропускает удар, а затем его ритм учащается, дыхание становится поверхностным, а руки — липкими. Неважно, как часто я его вижу, он всегда вызывает у меня одну и ту же реакцию.

Страх.

И возбуждение.

Я понятия не имею, почему это меня возбуждает. Должно быть, со мной что-то не так. Это неправильно, что по моим венам течет жидкий жар, оставляя после себя мурашки. Это неправильно, что мой разум начинает размышлять о том, о чем не должен.

Видит ли он меня сейчас? На мне надета лишь майка, проступают ли мои соски сквозь тонкий материал? Или что насчет шорт, едва прикрывающих мою задницу? Ему нравится?

Конечно, нравится.

Он потому и наблюдает за мной, не так ли? Вот почему он возвращается сюда каждую ночь, становясь в своих подглядываниях все смелее и смелее, пока

я молча бросаю ему вызов. Надеюсь, что он подойдет ближе, чтобы у меня появилась причина приставить к его горлу нож.

Но правда в том, что я боюсь его. На самом деле, я просто в ужасе.

Мужчина, стоящий за моим окном, заставляет меня чувствовать себя так, будто я сижу в темной комнате, и единственное светлое пятно — телевизор, на экране которого крутят фильм ужасов. Это нагоняет жуть, и все, что я хочу, — спрятаться, однако какая-то часть меня не дает мне покоя и заставляет продолжать смотреть. Она находит в этом кайф.

Снова становится темно, и молнии сверкают уже где-то вдали.

Мое дыхание продолжает ускоряться. Я не вижу его, но он меня видит.

Оторвав взгляд от окна, я оглядываюсь в темном доме, параноидально ожидая, что каким-то образом он сумел найти путь внутрь. Неважно, насколько глубоки тени в поместье Парсонс, его пол в черно-белую клетку всегда остается различимым.

Этот трехэтажный викторианский особняк я унаследовала от бабушки и дедушки. Построенный еще в начале 1940-х, он стоял моим прабабушке и прадедушке пота, крови и жизни пяти рабочих.

Легенда гласит — вернее, бабушка гласит, — что дом загорелся и унес жизни строителей прямо во время его возведения. Мне не удалось обнаружить никаких новостных статей об этом печальном событии, но от души, что обитают в поместье, веет отчаянием.

Бабушка любила рассказывать громкие истории, от которых мои родители лишь закатывали глаза. Мама никогда не верила тому, что говорила бабушка, однако мне кажется, она просто *не хотела* этому верить.

Иногда по ночам я слышу шаги. Это могут быть как призраки рабочих, погибших во время того трагиче-

ского пожара восемьдесят лет назад, так и тень, что
стоит возле моего дома.

Та, что смотрит на меня.

Всегда смотрит прямо на меня.

ГЛАВА 1

МАНИПУЛЯТОР

Иногда у меня возникают очень темные мысли о моей матери — мысли, которые никогда не должны возникать ни у одной нормальной дочери.

Порой я сама себя не понимаю.

— Адди, ты поступаешь смешно, — звучит мамин голос из динамика моего телефона. Я хмуро смотрю на него, отказываясь с ней спорить.

Я не отвечаю, и она громко вздыхает. Я морщусь нос. Меня поражает, что эта женщина всегда считала бабушку излишне драматичной, но при этом не замечает своей собственной склонности к драматизации.

— То, что твои бабушка и дедушка оставили тебе дом, еще не значит, что ты должна в нем *жить*. Он старый, и все в этом городе только выиграют, если его снесут.

Я ударяюсь головой о подголовник, закатываю глаза и пытаюсь отыскать крохи терпения в покрытой пятнами крыше моей машины.

Как я умудрилась испачкать ее кетчупом?

— То, что он *тебе* не нравится, не означает, что я не могу в нем жить, — сухо отвечаю я.

Моя мать — сука. Простая и незамысловатая. Она всегда была злобной, и я до сих пор не могу понять, откуда это в ней.

— Это же в целом часе езды от нас! Навещать нас будет невероятно неудобно, разве нет?

О, и как же я вообще выживу теперь?

Добираться до моего гинеколога тоже час, но тем не менее я все равно посещаю ее раз в год. И эти визиты гораздо более мучительны.

— Не-а, — отвечаю я и ставлю звонок на удержание. Хватит с меня этого разговора. Моего терпения хватает лишь на шестьдесят секунд общения с матерью. После я выдыхаюсь и больше уже не имею ни малейшего желания прилагать усилия для его продолжения.

Не одно, так другое. Она всегда находит, на что пожаловаться. В этот раз на мое решение поселиться в доме, оставленном мне бабушкой и дедушкой. Я выросла в поместье Парсонс, бегала бок о бок с его призраками по коридорам и пекла там печенье с бабушкой. И у меня прекрасные воспоминания — воспоминания, с которыми я не хочу расставаться только потому, что мама не ладит с бабушкой.

Мне всегда было непонятно напряжение между ними, но когда я стала старше и начала понимать мамину язвительность и ее завуалированные оскорбления в том смысле, в котором она их употребляла, все стало ясно.

У бабушки был позитивный, светлый взгляд на жизнь, она смотрела на мир сквозь розовые очки. Она всегда улыбалась и напевала, в то время как на маме словно лежит проклятье — вечно угрюма и смотрит на жизнь так, будто ее очки разбились в тот момент, когда ее вытащили из бабушкиного влагилица. Понятия не имею, почему ее личность так и осталась на стадии дикобраза — колючей стервой ее не воспитывали.

Когда я была ребенком, дом моих родителей находился всего в паре километров от поместья Парсонс. Мать едва терпела меня, а потому большую часть своего детства я провела там. Когда я уехала в колледж, мама переехала за город, добираться оттуда до особня-

ка на машине час. Потом я бросила колледж и переехала к ней — до тех пор, пока не встала на ноги и моя писательская карьера не пошла в гору.

Тогда я решила попутешествовать по стране, и так и не осела на одном месте.

Бабушка умерла около года назад, завещав мне дом, однако поселиться в поместье Парсонс мне мешало мое горе. До сего момента.

Мама снова вздыхает в трубку.

— Я просто хочу, чтобы у тебя было чуть больше амбиций в жизни вместо того, чтобы застрять в городишке, в котором ты выросла, милая. Сделай что-то большее в своей жизни, не прозябай в этом доме, как твоя бабушка. Я не хочу, чтобы ты стала такой же ничемной, какой была она.

На моем лице появляется оскал, мою грудь разрывает ярость.

— Эй, мам?

— Да?

— Пошла ты.

Я вешаю трубку, со злостью тыкая пальцем в экран, пока не слышу сигнал об окончании звонка.

Как она смеет так говорить о своей собственной матери, которая любила и лелеяла ее? Бабушка уж точно не относилась к ней так, как она относится ко мне.

Понимаю, что поступаю со своей матерью точно так же, как и она, мелодраматически вздыхаю и поворачиваюсь, чтобы взглянуть в боковое стекло. Дом, пробивая верхушкой мрачные тучи, возвышается и нависает над лесистой местностью, словно предупреждая: *бойся меня*. Оглянувшись через плечо, вижу, что густые заросли деревьев сзади выглядят ничуть не заманчивее — их тени выползают из зарослей с выпущенными наготове когтями.

Я дрожу, наслаждаясь зловещим напряжением, исходящим от этого небольшого кусочка утеса. Он выглядит точно так же, как и в моем детстве, и я испыты-

ваю не меньший восторг, заглядывая в эту бесконечную черноту.

Поместье Парсонс расположено на склоне утеса с видом на залив, а подъездная дорога к нему длиной в полтора километра тянется через сплошной густой лес. Он изолирует дом от остального мира и создает ощущение, что здесь ты действительно один.

Иногда мне кажется, что я нахожусь на какой-то другой планете, оторванная от цивилизации. Атмосфера тут угрожающая и печальная.

И мне чертовски это нравится.

Дом уже начал разрушаться, однако его можно привести в порядок, и он снова будет выглядеть как новый, если приложить немного усилий. По стенам поместья со всех сторон ползут лианы, поднимающиеся к горгульям, расположившимся на крыше по обе ее стороны. Черная обшивка выцветает, становится серой и начинает отслаиваться, а черная краска вокруг окон скалывается, подобно дешевому лаку для ногтей. А еще мне придется нанять кого-нибудь, чтобы подправить просторное крыльцо, поскольку с одной стороны оно начало провисать.

И давно пора подстричь газон: трава уже почти с меня ростом, поляна перед домом в полтора гектара практически полностью заросла сорняками. Наверняка с тех пор, как ее в последний раз стригли, здесь счастливо обосновалось немало змей.

Бабушка обычно компенсировала мрачный пейзаж поместья красочными цветами во время весеннего сезона: гиацинтами, примулами, виолами и рододендронами.

А осенью по периметру дома распускались подсолнухи, ярко-желтые и оранжевые лепестки которых прекрасно контрастировали с черными стенами.

Я могу снова разбить сад перед домом, когда наступит подходящее время года. На этот раз я посажу клубнику, салат и травы.

Углубляюсь в эти размышления, когда мой взгляд улавливает какое-то движение сверху. Это развеваются занавески в одиноком окне под самой крышей поместья.

На чердаке.

Насколько я знаю, сквозняка там быть не может, поэтому ничто не могло сдвинуть эти занавески, и все же я уверена в том, что вижу.

На фоне надвигающейся бури поместье Парсонс выглядит словно кадр из фильма ужасов. Я закусываю нижнюю губу, не в силах сдержать улыбку, появляющуюся на моем лице.

Мне это нравится.

Я не могу объяснить почему, но мне очень нравится.

К черту то, что сказала моя мать. Я буду жить здесь. Я — преуспевающая писательница, и могу жить где угодно. И что такого, если я решу жить в месте, которое много для меня значит? Если я останусь в своем родном городе, это не сделает меня ничтожеством. Со своими литературными турами и конференциями я часто заезжаю в самые разные места; то, что я поселюсь в этом доме, ничего не изменит. Я знаю, чего хочу, и мне плевать, что об этом думают другие.

Особенно моя дражайшая мамочка.

Тучи зевают, и из их уст льет дождь. Я хватаю сумочку и выхожу из машины, вдыхая свежий запах дождя. В считанные секунды из легкой мороси он превращается в ливень. Я взбегаю по ступенькам крыльца и стряхиваю капли воды с рук и тела, словно мокрая собака.

Я люблю грозы — просто не люблю в них находиться, предпочитая уютно устроиться под одеялом с кружкой чая и книгой и слушать, как стучит дождь снаружи.

Вставляю ключ в замок и поворачиваю его. Однако он застрекает, не поддаваясь больше ни на миллиметр. И я дергаю его, пока механизм наконец не проворачивается, и у меня не получается отпереть дверь.

Похоже, придется починить и это.

Открываю дверь, меня обдает ледящей прохладой. Вздрагиваю от сочетания холодного дождя, капли которого все еще покрывают мою кожу, и зябкого, спертого воздуха. В доме царит полумрак; в окна пробивается угасающий тусклый свет солнца, которое постепенно скрывается за серыми грозowymi тучами.

Кажется, начать рассказ мне следовало бы со слов: «Стояла темная грозовая ночь...»

Поднимаю взгляд и улыбаюсь, видя черный ребристый потолок, составленный из сотен тонких, длинных брусочков дерева. Над моей головой, замысловато изогнувшись, висит большая люстра из стали с кристаллами на кончиках. Она всегда была самой ценной вещью для бабушки.

Черно-белые шахматные полы ведут прямо к черной парадной лестнице — достаточно широкой, чтобы вместить рояль, — и перетекают в гостиную. Я иду дальше, мои ботинки поскрипывают на плитке.

Этот этаж представляет собой открытое пространство, и создается ощущение, будто громадина дома способна проглотить тебя целиком.

Гостиная располагается слева от лестницы. Я поджимаю губы и оглядываюсь вокруг, меня пронзает ностальгия. Все покрыто пылью, стоит запах нафталина, но дом выглядит точно так же, каким я видела его в последний раз, прямо перед смертью бабушки в прошлом году.

В центре гостиной у крайней левой стены расположен большой камин из черного камня, а вокруг него стоят красные бархатные диванчики. Перед ними — богато украшенный деревянный журнальный столик с пустой вазой из темного дерева. Раньше бабушка ставила в нее лилии, но теперь в ней лишь пыль и засохшие тушки жуков.

Стены здесь оклеены черными обоями с узором пейсли¹, дополняющими тяжелые золотистые шторы.

Один из моих любимейших уголков дома — это огромный эркер в его передней части, из которого открывается великолепный вид на лес за поместьем Парсонс. Прямо перед окном стоит красное бархатное кресло-качалка и соответствующий ему табурет. Бабушка часто сидела в нем, глядя на дождь; она рассказывала, что ее мать всегда делала так же.

Шахматная плитка продолжается на кухне с красивыми черными шкафами и мраморными столешницами. В центре — массивный остров с черными барными стульями с одной стороны. Мы с бабушкой частенько сидели здесь, наблюдая, как бабушка готовит что-то вкусненькое и напевает себе под нос.

Бросаюсь к высокой лампе у кресла-качалки и включаю свет, прогоняя воспоминания. И когда лампа начинает излучать мягкое маслянистое свечение, я облегченно вздыхаю. Несколько дней назад я звонила в коммунальную службу, чтобы они оформили дом на мое имя, однако, когда имеешь дело с таким старым поместьем, никогда нельзя быть полностью уверенным.

Затем я иду к термостату, и цифры на нем заставляют меня еще раз вздрогнуть.

Шестнадцать чертовых градусов.

Вдавливаю большим пальцем стрелку вверх и не останавливаюсь, пока температура не поднимается до двадцати трех. Не имею ничего против прохлады, но я бы предпочла, чтобы мои соски не прорезали одежду.

Оборачиваюсь и окидываю взглядом мой старый и новый дом — дом, в котором живет мое сердце с мо-

¹ Пейсли — узор в виде капли со множеством мелких деталей и загнутым вверх концом. Также иногда называется турецким или индийским огурцом, слезами Аллаха, ботех или бута. Во всех культурах — символ жизни и плодородия.

мента, с которого я себя помню, даже если мое тело и покидало его на какое-то время.

А затем улыбаюсь, наслаждаясь готическим великолепием поместья Парсонс. Именно таким задумали его мои прабабушка и прадедушка, и этот дух передавался из поколения в поколение. Бабушка часто говорила, что больше всего ей нравилось, что самой яркой деталью в комнате была она. И все же, несмотря на это, у нее были старческие предпочтения.

Я имею в виду, в самом деле, для чего у этих белых подушек кружевная кайма по краям и какой-то странно вышитый букет посередине? Это вовсе не мило. Это уродливо.

Я вздыхаю.

— Что ж, бабушка, я вернулась. Как ты и хотела, — шепчу я в пустоту.

— Ты готова? — спрашивает моя личная помощница.

Я бросаю взгляд на Мариетту, стоящую подле меня, и отмечаю, насколько рассеянна она протягивает мне микрофон. Ее внимание приковано к людям, все еще продолжающим стягиваться в небольшое здание. Этот местный книжный магазинчик не рассчитан на такое количество народа, однако каким-то образом они все же сумели собрать у себя это полчище: люди набиваются в тесное помещение, выстраиваются в очередь и ждут, когда я начну раздавать автографы.

Мой взгляд блуждает по толпе, я беззвучно считаю их. После тридцати сбиваюсь со счета.

— Ага, — отвечаю я.